

Александр Воронков

НЕВЫШЕНОЛЯ

экстремальные виды туризма

Александр Владимирович Воронков
НЕВЫШЕНОЛЯ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12845843

ISBN 9785447427924

Аннотация

Несколько раздутое эссе-размышление о нестандартных вариантах выбора места отдыха и нетрадиционных способах возвращения оттуда.

Содержание

Глава 1. Офтальмология подсознания	5
Глава 2. Рафтинг в заповедники социума	17
Конец ознакомительного фрагмента.	29

НЕВЫШЕНОЛЯ
экстремальные
виды туризма
Александр
Владимирович Воронков

© Александр Владимирович Воронков, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Офтальмология подсознания

В начале были уши. И рот. Слово было потом. Иначе нарушается причинно-следственная связь вербальной коммуникации. Хотя и в этом случае она тоже нарушается. Ибо слово, как единица понятийного содержания знаковой системы – явление вторичное. По понятиям стали жить чуть позже. В начале была картинка. Глаза её видели, а мозг ею думал. И только язык окончательно запутал всё. Слова столь многозначны, что смысл размывается и приобретает множество значений, к первоначальному не имеющих никакого отношения. Мы всю жизнь говорим, не понимая друг друга. С собой мы тоже разговариваем. И разговариваем постоянно. Причём это даже не диалог, а какофонический хор голосов наших бесчисленных «я». И каждое из них говорит своё. И каждое требует противоположного, заглушая истинный внутренний голос, голос подсознания. Научившись записывать слова, люди окончательно ушли от истинных образов, заменяя их выдуманной реальностью. И чем дальше, тем больше напечатанная эпическая хрень перемежалась хренью несусветной. Так с детства чистое сознание ребёнка заполняется хаосом бессмысленных знаков, с потугами на реальное отражение окружающего мира.

А мир продолжает говорить с нами языком образов. Любое событие, происходящее с нами есть знак судьбы, служащий нам путеводной нитью по жизни, подсказкой в поиске своего предназначения в данном воплощении. Каждый день, с утра и до вечера, нам показывают картинки, которые, как знаки дорожного движения, должны сделать наш путь безопасным. Но мы не замечаем их и едем по своим или чужим правилам до первого поворота. Оглядываясь назад, многое из того, что происходит с нами, мы начинаем видеть по другому. Многие знаки судьбы становятся явственно видны нам. Но уже поздно. Мы уже уехали не туда. И теперь можно только окольными путями вернуться на свою трассу. На любых дорогах нас предупреждают об осторожности. Нам показывают правильное направление всегда. А мы едем, смотрим и опять ничего не видим. Хотя – нет. Некоторые знаки мы всё-таки подсознательно замечаем и действуем иногда вопреки логике, не понимая зачем мы так делаем. Но делаем и поэтому никогда не узнаем того, что с нами могло произойти, если бы... А ещё кое что мы всё-таки замечаем сознательно. Чаще всего тогда, когда нам уже откровенно даётся понять, что надо что-то изменить. Но эти явные знаки поворота обычно воспринимаются нами как судьбоносные. И вместо того, чтобы просто очнуться и повернуть, мы с головой окунаемся в новое забытьё, уверовав в его предначертание. Вот почему откровенных знаков в нашей жизни так мало, ибо мы хватаемся за них, вместо того, чтобы оттолк-

нуться.

Тот год ничем не отличался от других. Бессменный бренд «Дома 2» ещё изучала пестики и тычинки на уроках ботаники в школе №185, а основатель виртуальной ё-мобильной промышленности уже возглавлял банк, стоящий на 346-ом месте в мировом рейтинге. Про прародителя Facebook можно было бы и не вспоминать, памятуя о том, что в десятилетней мальчишеской голове, кроме квестов и пошаговых стратегий ещё ничего и быть-то не могло. Но эта случайная выборка, тем не менее – наглядная иллюстрация того, как эти трое ярких представителей чего-то там, не заблудились в мозговых извилинах предназначения, а заметили дорожные знаки судьбы /если, конечно, их не вели за ручку по асфальтированным тротуарам/. Почему именно их упомянул я всеу? Всё очень просто: к этому времени я уже прошёл все судьбоносные вехи их возрастов, благополучно не заметив ни одного знака. Пролетел, пускаясь во все тяжкие и собирая по дороге всё, что только можно собрать.

Не то, чтобы жизнь совсем не баловала меня возможностями. Но эпоха перемен, жить в которую так очковали древние китайцы, пришлось на мою молодость. Специальность инженера стала невостребованной и множество дорог открылось для пытливого ума, неугомонных ног и рук, растущих не из одного места с ногами... Я строил пристанища новым русским. Сам был совладельцем охранной фирмы, с двумя сотнями отморозенных боксёров и каратистов. Шил мехо-

вые ложняки, уподобляясь знаменитому скорняку из детского стишка С. Михалкова. Сидел в палатке в ту пору, когда о кассовых аппаратах не было и речи и торговые наценки зависели только от аппетита и воображения продавца. Торговал в Лужниках, времён тотального периферийного дефицита, когда колготки из лайкры улетали коробками каждый день даже зимой. То есть, свободы, денег и перспектив было как грязи. Но в итоге, в этом году я опять стоял на перекрёстке трёх дорог с горячими мозгами, холодным ногами и чистыми карманами. В похожем состоянии в тот год были только Майк Тайсон, Ким Ир Сен и Адриано Челентано. Первый только вышел из тюрьмы, второй только отошёл к праотцам, а третий окончательно завязал с кино. Хотя на счёт карманов Челентано я совсем не уверен: он вообще по жизни чувак фартовый.

Не скажу, что судьба как-то обделила меня и знаками, направляющая и руководящая роль которых должна была выстроить мою жизнь в правильном направлении. Нет. Всем нам они даются в равном количестве. Дело было, скорее всего, в другом. Судьбоносные события каждого из нас несут в себе личностную подоплёку. И к каждому человеку применяется свой тип знаков, согласно его внутреннему содержанию. Кто-то верит в приметы, кто-то в гороскопы и гадание по руке. Кого-то наставляют на путь истинный вещие сны. Кому-то помогает не совершить неправильный шаг внезапная диарея. В моём случае этими знаками были женщины.

Одна из них появилась в моей жизни тогда, когда уже конкретно вставал вопрос о моём становлении как личности. Мне надо было осознать себя, стать самостоятельным и независимым от родителей. Знаки были и до этого много раз. Но так как я их все прощёлкал, был дан такой явный, что я, вместо того чтобы просто прозреть, прозрел и влюбился. Да так влюбился, что женился, вопреки воле семьи. Многочисленные знаки, говорившие мне о неправильном действии моём, опять были благополучно прощёлканы на протяжении восьми лет. И снова был явный знак уставшей от моей тупости судьбы. Снова появилась женщина. Ею был поколеблен пьедестал, на котором безраздельно царствовали Орнелла Мути и Моника Беллуччи, не догадываясь, что индейская кровь Джессики Альбы и Меган Фокс ни в чём не уступает итальянской. И снова я не понял, что мне просто говорят о том, что пути наши с супругой лежат в разных плоскостях. И снова я влюбился в ту, которая просто показала мне это. Показала конечно очень ярко и грамотно. Очень уж явный был знак. И снова я пошёл вразнос. Развод. Проблемы с деньгами, работой и жильём. Всё указывало мне на то, что надо искать выход в другом направлении. Но упрямство, не нашедшее лучшего применения, тянуло меня дальше и дальше в омут негативных подсказок. Любовь, похожая на сон... Но это уже другая история. Наступал полный абзац. Вот на этом этапе и появилась в моей жизни подсказка в образе мужчины.

– Здорово, Сань! – отвлёк меня от печальных раздумий о бренности бытия голос. Я взглянул в его сторону. Ба! Да это ж сосед по дому. В школе он учился на класс старше и в общем-то со школы мы встречались чисто эпизодически. Стояло летнее утро. Что я делал в столь ранний час на автовокзале уже не припомню. Боюсь даже строить предположения о причинах пребывания в этой точке географических и временных координат человека, не обременённого работой и деньгами. Надо думать, это был результат броуновского движения индивидуума, лишённого социальных обязательств перед обществом. Этакое гуляние где вздумается и хождение самого по себе. Скорее всего из одной компании я вяло перемещался в поисках другой.

– Здоров, Андрюх! – обрадовался я знакомому лицу, – Ты как тут оказался?

– Да я то на работу еду – рот его растянулся в улыбке, – А вот ты-то тут чего в такую рань, да ещё такой помятый?

– Гуляю ... – неопределённо протянул я.

– Понятно – хмыкнул сосед, – пиво будешь?

– А то! – я попробовал проглотить сухую слюну.

Через несколько минут мы сидели на скамейке. Я пил пиво и курил, а Андрюха курил и слушал мою душещипательную историю о мировой несправедливости и качал время от времени головой.

– Да... война и немцы. Эко ты накосячил. – сказал он, дослушав меня до конца, – А знаешь что, поехали со мной

в Москву.

– Зачем? – пиво уже начало всасываться и я не уловил тонкую нить логической взаимосвязи моих злоключений с поездкой в столицу.

– Тебе на работу пора устраиваться. Хорош дурака валять. Я сейчас охранником в игровых автоматах тружусь. Посодействую. Сотку зелёных положат, а остальное сам доработаешь – Андрей хмыкнул и подмигнул.

– Так мне и ехать не на что, и видок у меня не комильфо ... – протянул я.

– Фигня это всё. На дорогу я дам, а то, что фингал под глазом – это даже лучше: типа боец ты у нас – он засмеялся и хлопнул меня по плечу, – Поехали, Шура!

Бывает так, что слова постороннего человека, десятки раз произносимые тебе до этого, недостающими пазлами ложатся на мозаику жизни, всё ещё не составленную тобой, и музыка гармонии и покоя разливается по телу.

И мы поехали. Контора находилась в самом центре, недалеко от здания КГБ на Лубянке. Держали её дагестанцы. Моему приезду они оказались чрезвычайно рады и определили меня на точку Белорусского вокзала.

– На смену завтра поедешь, – сказал начальник охраны. – форма одежды: в костюме. Сутки – трое. Сто баксов в месяц. И это... сегодня уже не пей и без синяков обойдись.

Вот они, знаки судьбы: Андрюху, после этой встречи, я уже не видал... никогда. Недавно я узнал, что его убили пять

лет назад...

На следующий день я приехал на работу. Закуток игровых автоматов находился в промежутке между двумя залами столовой, напротив метро Белорусская и тоже назывался залом. Заряжающим оператором в смене был дагестанец. Молодой шустрый здоровячок. Мы познакомились и он объяснил мне суть моих обязанностей.

– Короче, ходишь – смотришь. Сидишь – куришь. Клиентам кофе предлагаешь и пепельницы меняешь. В магазин ходишь. Всё.

– А если что? – спросил я, пытаюсь связать свои функции со значением слова – охранник.

– А если что, – сказал даг, – сидишь – куришь. Всё запоминаешь. Бабки отдаём. Ждём крышу и всё рассказываем. Могут, конечно, сразу не поверить и в подвале попрессовать... но это уже, как рассказывать будем.

Летняя жара плавил воздух, смешивая его с душком московского общепита, который невозможно спутать ни с чем. Вентилятор перемешивал всё это с табачным дымом и гонял по кругу. Галстук давил шею, а пиджак как термос поддерживал внутри состояние вечно горячего чая. Бессмысленность работы мебелью убивала почти также, как вонючий зной. Мысли мои витали где-то далеко, там где сейчас должна была находиться та... единственная, а внутренний диалог с самим собой перегонял обрывки этих мыслей как вентилятор из пустого в порожнее. Время липко тянулось и каза-

лось, что этот день не закончится никогда. Скорее нет, оно просто остановилось и было понятно, что будущего нет.

Я вышел покурить на улицу. Напротив меня, нескончаемый поток людей, шириной в пространство для пешеходов, сужаясь, втягивался в пасть метро. Из противоположной части монстра выдавливался точно такой же поток. И процесс был непрерывен. Всё куда-то двигалось. Даже рядом со мной, у входа в столовую, вспучив асфальт, тянулось к свету какое-то солнцелюбивое растение. И только я замер. Так мне казалось. Наивный... в мире, где всё течёт, потечёшь и ты..

Вышел Мага /оператора звали Магомедом/ и дал мне задание сходить на хитрый рынок, протянувшийся вдоль вокзала по Грузинскому Валу. Бесчисленные старушки продавали здесь всё на свете, начиная от презервативов и заканчивая квартирой на ночь. Но в этот день я приобрёл у них кофе, сахар, каталку колбасы, крекеры и две пачки сигарет. Есть не хотелось. Курить я уже устал. Поэтому я сел недалеко от клиента и стал наблюдать за игрой. Вообще игровые автоматы были для меня, дремучего, каким-то откровением, чем-то новым и неизведанным. За своими извечными «любит – не любит» я многое упустил из поля зрения. И игровые автоматы в том числе. Для тех, кто тоже в танке, этот этюд об индустрии развлечений общества потребления посвящается.

В те далёкие времена, когда массовая культура Запада

только обрушилась на очумевшие совковые головы, начавшееся деление толпы на классы подкорректировало и критерии потребительского рынка. Касте состоятельных нуворишей был предложен свой сегмент кормления души и тела – бутики, рестораны и казино. Всем остальным – Макдональдсы, Лужа с Черкизоном и игровые автоматы. Но дело даже не в этом. Страсть к игре – в природе людей. Не только убогие неудачники мечтают пощупать судьбу за задницу и срубить халяву. Век ложной веры и спасительной лжи никоим образом не меняет природу человека. Он навсегда сделан из мяса, желаний и осознания собственной исключительности. Ум и глупость производны от них, а в основе всего лежит вера. Только она заставляет делать одни и те же ошибки.

Но вернёмся к игровым автоматам. В ту пору Москва в основном сидела на двух из них, на компоте и покере. Первый, в идеале должен был выдавать на барабанах ряд вишенки, арбузов или других фруктов для овощей. Второй был автоматизированным подобием карточной игры, со всеми её флеш роялями и фулл хаузами. Высшим проявлением удачи были, соответственно, пять семёрок или покер. Это уже был джекпот. На самом деле, менее удачных вариантов существует намного-намного больше. Как мне потом рассказывали прожжённые игроки в автоматы, потратившие на это дело не одну зарплату, в США по федеральному закону автомат обязан вернуть 90% закаченного в него бабла. В противном случае – тюрьма. Деньги в Америке – самая охраняемая субстан-

ция. У нас же дикий капитализм позволил этим процентам стать произвольными, если хозяину игрового бизнеса очень нужны деньги. Проценты могут варьироваться от 80 до нуля. Но на веру в то, что именно тебе повезёт и ты снимешь лавэ, этот факт не влияет никоим образом.

За неполный год работы в автоматах я наблюдал за разными видами «человека играющего» и даже сам успел поиграть и проверить себя на азартность. Всегда, когда прёт, надо вовремя остановиться. Мне, в этом смысле, играть противопоказано – уж очень я заводной. А про удачливость я распространяться не буду. Остальные игроки тоже делятся на спокойных и безбашенных. Первые философски относятся к своей зависимости и к тому, что автомат жрёт и жрёт их деньги. Всё потому, что цель их – получить удовольствие, а не бабки. Я видел очень много людей, которые стучали по кнопкам на удачу, проигрывали, улыбались и уходили. При мне садились играть за один покер по трое, с записями предыдущих игр и комбинаций карт. Эти искали логическую схему, закон, по которому автомат отдаёт выигрыш. Это были – учёные. Они тоже не думали о деньгах. Они хотели сделать открытие. Но чаще всего всё же приходили другие. Те, которые верили в свою удачу и генератор случайных чисел. И поэтому они всегда бывали очень расстроены, когда проигрывались до нуля. Они не хотели верить в обратное, как бы итоги игры не убеждали их в этом. Они закладывали нам золотые швейцарские часы и норковые шубы для жён и любов-

ниц за пару сотен кредитов. Они просили зарядить в долг, уверяя нас, что сейчас пойдёт и они отдадут нам в два раза больше. Но если по какому-то чуду этого не случится, то божились, что вечером привезут долг стопудово. Они угрожали. Они орали и ломали автоматы и бросались стульями. Они придумывали свои приметы, влияющие на фарт в игре. Они по секрету и за бабки узнавали у оператора, какой автомат заряжен на отдачу. /Это кстати был один из способов моего дополнительного заработка: если всё-таки автомат выдавал заветные комбинации и звучала победная мелодия, бонус с выигрыша перекочёвывал к заряжающему и охраннику. Жаль, что про это я узнал, когда уже работал на другой точке и с другим оператором./

Вот в такой обстановке вычленения из сознания разума я начинал медленно подходить к доктрине схоластической философии концептуализма, утверждающей, что сознание выражается опытом, но им не определяется. Говоря проще, наблюдать и самому иллюстрировать пословицу «На ошибках не учатся». И так – каждые сутки трое.

Глава 2. Рафтинг в заповедники социума

О, Магриб! Бессонница, начинающаяся на закате. Самое время внимать богу своего сердца. Немногие поймут меня, в каждодневной суеде обыденности. Только ты сам можешь услышать этот голос в тишине своего одиночества. Длинная тень от шатра уже уплыла к горизонту. Жир с кусочков баранины шипит на углях жаровни. Зёрна кофе, отдавшие свою испарину михнасу, растираются в ступке, породившись с семенами кардамона и цветками шафрана. Сейчас они отдадут воде кофейника свои силы, свой цвет и аромат. А настоявшись в чашечке, вода отдаст это всё тебе. Три чашечки кофе должен выпить каждый за столиком вечерней порой, три пожелания, три тоста произнести, хотя бы в мыслях своих. Первый – за дайф, второй – за сайф, третий – за кайф. Гость, меч и удовольствие – вот три главных ипоста-си для тех, кто всю жизнь идёт по пустыне. Поэтому выпей кофе, даже если нет гостя и не с кем поделиться сочной бараниной, и призови женщину. Пусть в темноте шатра скинет она муслин чадры. Пусть одежды её падут на ковры и напоит тебя сладкой отравой страсти её гибкое дикое тело. Пусть она станет гостем твоим, а ты её мечом. Пусть удовольствие, разделившись на двоих, станет сильнее в два раза. О, Ма-

гриб! О, неторопливая церемония жизни! Воистину не спешат те, кто проникся пониманием бытия...

– Так! Сейчас ты для начала отсосёшь у этих троих. А потом мы тебя по кругу пустим, сука!

...Туман моего сна не растворился даже, а был словно бы снесён ураганом. Я открыл глаза: мой оператор застыл с поднесённой ко рту чашкой кофе. Одиноким ночной игрок-фанатик так низко стал прижиматься к монитору, словно хотел влезть туда целиком... В дверях зала стояло три омоновца с калашами и деваха, с размазанной по щекам боевой раскраской.

– Ну чего смотришь? – Толстый летёха толкнул девку ко мне. – Забирай. Проштрафилась овца. Ща отработает по полной программе. Не стесняйтесь. А мы покурим пока пойдём.

Менты вышли. Немая сцена затягивалась. Игроман молча засуетился, собрал манатки и испарился. Проштрафившаяся сидела на стуле, куда её кинули, плакала и косилась по сторонам. Даже как-то по-человечески стало жаль бедолагу, вне зависимости от того, что натворила она. Мы с Магой переглянулись. Московская ночная жизнь начиналась... И только я собрался сказать нашей гостье что-нибудь ободряющее, как неожиданно омоновцы вернулись, хотя по времени мы явно не должны были ещё управиться.

– Ну чё, курва, поехали в отдел. Ща тебя там быстро научат делиться. – сказал старший, подтолкнул её к выходу

и они вышли. Ритуальному соитию этих бонобо в форме суждено было свершиться в другом месте. Хотя нет. Секс бонобо всегда был проявлением дружелюбия. Здесь же имел место чисто акт доминирования. Без всяких потуг на чувственность.

– Удачи, тормоза – донеслось из-за двери.

Мы тормознули и ничего не ответили.

– Да ... – протянул Магомед и ещё с минуту постоял с чашечкой у рта. Потом глотнул, плюнул и вылил остывший кофе в банку с окурками. Включил чайник и по новой стал натирать себе ложкой кофе с сахаром и с парой капель воды. С этим новым способом заваривания кофе я познакомился тут. Смесь кофе с сахаром постепенно, за несколько минут приобретала оттенок кофе с молоком. Появлялся и аромат этой смеси, а при добавления кипятка на поверхности образовывалась пенка. Этакий дагестанский капучино. Мне наверное поэтому и пригрезились бедуинские кофейные мероприятия, что запах кофе стоял по всей нашей забегаловке. Вместе с ароматом кофе в помещении стояла и духота. Я взял стул и вышел в вестибюль. Поставив стул недалеко от стены, я сел по-американски. Только при наличии отсутствия стола, ноги я определил на стену. Закурив, я откинулся и почти ушёл в медитацию. Но какие-то непонятные звуки не давали мне забыться. Слева и справа от меня располагались два зала столовой, которые на ночь закрывались. И вот слева что-то происходило. Какой-то тихий, но постоянно на-

растающий шорох был слышен из темноты зала. Я уже подумал, что это мне мерещится. Но через пару минут я понял, как ошибался.

В полумраке вестибюля, из щели между дверью и полом стали вылезать крысы. Я чуть не проглотил сигарету. Одна, две, десять, двадцать... они лезли и лезли, и не торопясь двигались к противоположной двери. Без тени страха на острых серых мордочках и с наглостью в маленьких злых глазках, они вразвалочку проходили под моими ногами и подо мной, успевая посмотреть на меня и, как я чувствовал, в глубине души презрительно хмыкнув. Смысл этой странной миграции был не понятен. Но он был. И я был свидетелем перемещений этого моря грызунов в пределах отдельно взятой столовой. Казалось, что справа за дверью, в глубине зала стоит Нильс Хольгерссон с волшебной дудочкой и зовёт их туда, откуда не возвращаются. Крысиная демонстрация уже закончилась, а я всё сидел, офигевший от такого изобилия животного мира в центре Москвы. Неожиданно в голове проскользнула неуловимая ассоциация: и я тоже иду по жизни на звуки мелодии, которую разные нильсы играют на моей дудочке... Подошёл Мага. Он не удивился и метафорично изрёк, что крыс в Москве видимо-невидимо, потому что здесь вкусно. Мы вышли на свежесть ночной улицы, покурили и зашли обратно в свою духоту, в надежде подремать до утра. Как вдруг на улице около наших дверей остановилась машина. Послышался шум хлопающих дверей.

– Менты вернулись – предположил Мага. Я хмыкнул и посмотрел на часы – было без пятнадцати два. Поспать сегодня не удастся, успел подумать я, как к нам вошли две девушки.

– Здравствуйте, мальчики! – весело заявили они своё настроение пообщаться. – Мы поиграть. Вы – новенькие? А где Игорь?

– Старых всех убрали – мрачно ответил Мага. – Вам какой зарядить?

– А какой посоветуешь? – подмигнула ему одна.

Почувствовался опыт. Мага зарядил им компот на сто кредитов и сел рядом. Девчонки достали пиво, сигареты и игра пошла. Через полчаса они уже познакомились и ржали с напарником во всю.

– А ты чего сидишь-скучаешь? Тебя как зовут? – повернулась ко мне самая общительная.

– Саша – односложно ответил я, погружённый в свою бессмысленную полудрёму-полуразмышления.

– А меня – Катя. Иди к нам, Саша-Кэмел – засмеялась она.

– Почему Кемел – не понял я.

– А ты похож на мужика, который Кэмел рекламирует. Такой же небритый. – И она снова засмеялась.

Я на самом деле люблю не бриться. Именно в таком ключе: не «не люблю бриться», а «люблю не бриться». Я вообще придерживаюсь теории, что моду на бритьё ввели короли средневековой Европы, которые в своих родственных династических браках начали вырождаться и гормональные сдвиги

ги обделили их, помимо всего прочего, и растительностью на лице. А всякие сказки про бритых консулов Древнего Рима объяснили Фоменко с Носовским. Нечем было бриться до нашей эры, да и смысла в этом особого не было. Тем более, что борода всегда считалась не только признаком мужественности, но и имела тайный сакральный смысл во всех учениях и верованиях.

Я подсел к ним. Мага во всю крутил с Катей, и поэтому автоматически мне перепадала её подруга, Марина, что меня не обрадовало и не опечалило. Как впрочем и её тоже. Видя нашу индифферентность к происходящему, Мага предложил выпить за знакомство шампанского. Он достал из поясной сумки с вырубкой деньги и я пошёл на поиски. Палаткам было запрещено работать по ночам. Но в каждой сидел продавец и на свой страх и риск делал бизнес. В эту ночь денег почему-то никто не хотел. Я обошёл всю площадь Белорусского вокзала и только в самой дальней палатке полусонная тётка, подозрительно глядя мне в глаза, продала мне втридорога бутылку Асти Мартини. За время моего отсутствия пиво было допито, деньги на игру благополучно спущены и поэтому моё возвращение было встречено на ура. Тёплая живительная влага пенно разлилась посредством кофейных чашек в каждого из нас. Стало чуть веселее. Разговор оживился и стал периодически прослаиваться сальными анекдотами. Дело шло к более близкому знакомству. Мага с Катей уже начали отходить в вестибюль на минуточку. Вторая пара

тоже сменяла их время от времени. Нашу целомудренность спасло то, что по утрам на точку обычно приезжал менеджер за выручкой и к встрече надо было подготовиться: прибраться и подсчитать наличность. Но поползновение в сторону покушения на добродетель было сделано. И никто особо не сопротивлялся. Никто не вспоминал о главном. Потому что главного не было. А были липкая жара, запах маргаринового фритюра двухмесячной давности и звуки игровых автоматов, напроць выносящие мозг. И скука. Лето – это лучший период для тех, кто не любит думать, ибо голова не работает и главенствует доминанта маразма. Лето – это приоритетное время имитации тюленей на пляже и вялых репродуктивных игр. Всё остальное – насилие над человеческой природой.

Новая смена, как и все последующие, прошли под знаком экспансии наших экзальтированных подружек. День и вечер тянулись в наблюдении за страстями человеческими, а ночью страсти человеческие перекочёвывали в наши головы. Слаб человек. Не стоек перед соблазнами и зависим от обстоятельств. И вступая на тропу лёгкого удовольствия, забывает, что за всё нужно платить.

Мы уже начали привыкать друг к другу. Ночные посиделки уже напрашивались на плавное дневное продолжение. И вот после одной из смен, мы решили культурно провести время вместе. Местом отдыха было выбрано ВДНХ. Правда это был уже ВВЦ и в павильонах, вместо достижений народного хозяйства, были склады достижений чуждых нам эконо-

мик, но зато можно было побояться всласть на америкосовских аттракционах. По старой русской традиции веселиться на трезвую голову не принято. Поэтому, затарившись шампанским и шоколадками, мы решили для начала позавтракать на природе. Изобилие природы находилось в непосредственной близости от ВВЦ. Это был Ботанический сад. Пробравшись через проломанный забор в царство запустения и девственных дебрей растительного мира всех континентов и климатических зон, мы благополучно употребили всё принесённое с собой и уже начали было разбредаться, любуясь коллекциями флоры и друг другом... но вовремя вспомнили о цели нашего здесь появления. Всё-таки утро решено было продолжить по программе. Но не тут-то было. Лес не отпустил нас. Дорог не было. Тропинки заросли. О направлении движения мы могли только догадываться. Это было смешно, но мы заблудились в Ботаническом саду. Плюс ко всему к этому, откуда-то вылез сторож и стал настойчиво бегать за нами с палкой. Короче, только через час, Выставочный Центр принял в свои объятия наши тела, исцарапанные ветками, все в листьях и паутине. Испытанный стресс и разыгравшийся аппетит решено было утолить. Шашлык под водочку как нельзя лучше утихомирил и то, и другое. Расслабуха накрыла незаметно. Пока мы парочками бродили по аллеям, бродившее в нас зелье развязывало языки, уменьшая количество запретных тем для разговора. Не всегда говорить помогает думать, но иногда этого и не требуется.

– Давай поцелуемся! – маленькая моя Марина повисла на мне и нас качнуло на отдыхающих.

– Слушай, – спросил я чуть погодя, – А чего ты во мне нашла? Я ж старый для тебя...

– Не, ты – прикольный. А потом, с тобой интересно. У малолеток – одно на уме. А с тобой поговорить можно. И никакой ты не старый.

– Ну не знаю. – мы сели на скамейку. – Как-то всё у нас легко и быстро получается.

– А почему всё должно быть тяжело и долго?! Всё должно быть легко и просто. И радостно! Мне не интересно, что будет завтра. Может – ничего. Я сегодня живу. С тобой вот сейчас. С тобой хорошо – ты умный. Но ты много думаешь. Это – вредно.

– Ага, – ухмыльнулся я. – Всё горе – от ума! И от книг. Многие знания во многие печали...

– Слушай, Кэмел, не грузи! – Маринка вскочила и потащила меня за Магой с Катей.

Мы наконец-то дошли до аттракционов. Сумасшедшие скорости, вращения и женские визги окончательно перевернули наши мозги. Вода фонтана Дружбы народов чуть остудила нас, но Мага потребовал продолжения банкета. И опять была водка и шампанское. И опять мы куда-то шли и о чём-то говорили. И потом мы лежали с Магой на скамейках, голова к голове, а две наездницы скакали на нас, под сенью павильона крупного рогатого скота. День удался.

В одну из смен Мага сообщил мне, что нас ждут в гости к Катиной маме. У неё есть друг, а у него в субботу днюха. Ну и Катя с Мариной там, естественно, будут. Сказано – сделано. И после смены мы были там.

Теперь, оглядываясь назад, я не склонен винить судьбу во всех перипетиях, обрушивающихся на мою голову. Хотя во многих случаях сознание моё как бы выключалось и дальше я действовал на автопилоте. Мною управлял кто-то другой, а я только наблюдал со стороны и удивлялся тому, что делаю. Теперь мне не удивительно то, что немцы обожали Гитлера, русские рабочие воевали с русскими крестьянами, а Калигула делал с Римом, всё что хотел и в разных позах. Дело не в том, что говорят вожди. Дело в том, как они воздействуют на людей. Не слова, а образы заставляют поверить и идти за человеком. Не магия нейролингвистики, а гипнотическое создание в твоей голове нужной картинки управляет твоим сознанием. Собака Павлова forever!

Друг мамы был старше меня лет на десять. Вёл он себя деликатно и интеллигентно. Даже не верилось, что /по словам Магомед/ он только освободился. Он представился Эдуардом. Пока девчонок не было мы сели за стол вчетвером. Праздничный стол хозяйка украсила своими кулинарными изысками. Было видно, что старалась. Сама она цвела от радости и сидела, обнимая пресловутого Эдуарда. Всё было хорошо, пока после третьей рюмки Эдика не переключилось. И начался нефильтранный базар... Эдик тёр нам с Магой

про то, как чалился на киче и как хитро откинулся. Про то, как его достали галимые порожняки и беспонтовые фраера по жизни. Клял по матери непонятки и заморочки неизвестного мира, в который он вернулся из СССР. В конце концов он побожился, что весь базар не в кипешь, если он в натуре не ломанёт какого-нибудь фуфела на бабки. Нам ничего не оставалось, как согласиться с ним. За его удачу мы и выпили по четвёртой, после чего Эдуард встал и позвал нас в коридор.

– Здесь, на площадке напротив – халява! – заявил он, глядя в глазок. – Здесь барыга один живёт. На рынке торгует. Ща мы его щипанём.

Он ушёл в ванную и вернулся с какой-то бутылкой.

– Пошли! – подтолкнул он нас к двери, а заволновавшейся Катинной маме, что-то шепнул, после чего она ойкнула и молча вернулась на кухню.

И мы пошли... в том смысле, что мы с Магой пошли, не отдавая себе в этом отчёта. Мы как два бандерлога делали то, что хотел этот Каа-уркаган. А я всегда думал, что гипнозу не поддаюсь... Эдуард нажал на кнопку звонка и нам открыл мужчина в очках и шортах. Наш предводитель без приглашения втиснулся сам и втиснул нас в прихожую.

– Ты – под кем? – начал он без обиняков.

– Я – сам по себе. – ответил мужчина.

– Ну и ладненько. Теперь я – твоя крыша. – безапелляционно заявил Эдуард. – С тебя лимон пока. А вечерком я зай-

ду, потрешим на счёт косяков с беспредельщиками.

– Да ты сам – беспредельщик – усмехнулся сосед. – Ребят, вы чего, совсем милиции не боитесь?

– Я сейчас твоё барахло запалю, юморист – нахмурился вождь. Он почувствовал, что клиент соскакивает с крючка и бизнес-план разваливается на корню. Эдуард отодвинул хозяина и вошёл в комнату. Там стояли баулы с товаром. И тут я понял, что было в бутылке. Эдик открыл её и основательно окропил мешки бензином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.